

К.В. КАПУСТЯНСКАЯ, Н.А. КУБАНЕВ, Л.Н. НАБИЛКИНА

ИМАГОЛОГИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Ксения Викторовна Капустянская,

Ивановский государственный университет (Шуйский филиал), аспирант, школа № 5, учитель английского языка
e-mail: kapustianskaja2015@yandex.ru
Александровича ул., д. 16 А, Саров, 607188, Россия

Николай Алексеевич Кубанев,

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал), профессор, доктор культурологии
e-mail: nik-kubanev@yandex.ru
К. Маркса ул., д. 36, Арзамас, 607220, Россия

Лариса Николаевна Набилкина,

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал), доктор культурологии, доцент
e-mail: nabilkina@yandex.ru
К. Маркса ул., д. 36, Арзамас, 607220, Россия

Статья посвящена теме становления имагологии как науки, целью которой является создание объективных образов. Дается характеристика терминов «образ» и «имидж», определены их общие черты и различия. Рассматривается понятие диалога культур через литературную имагологию.

Ключевые слова: имагология, диалог культур, образ, имидж, межкультурная коммуникация, травелог, «чужой — другой».

Для цитирования: Капустянская К.В., Кубанев Н.А., Набилкина Л.Н. Имагология и диалог культур // Обсерватория культуры. 2016. Т. 1. № 1. С. 31–35.

Имагология, зародившаяся во Франции в конце XIX в., в русскую литературоведческую науку и культурологию вошла в 1990-е годы [1]. Но это вовсе не означает, что имагология родилась на пустом месте. Ее начало заложили Л. Стерн своим «Сентиментальным путешествием» (1768) и Н.М. Карамзин «Письмами

русского путешественника» (1791–1794). Это травелоги — новый художественно-документальный жанр, окрашенный философскими размышлениями и образом самого путешественника. Если до этого на первый план выступало изображение окружающего мира, быта и нравов, то в этих произведениях подчеркнуто личное отношение к действительности самого путешественника, его восприятие событий и фактов. Герои Стерна и Карамзина близки, но не тождественны самим писателям.

Л. Стерн создал образ сентиментального путешественника Йорика с явной аллюзией на Шекспира. Именно Йорик сравнил Англию с другой страной, подчеркнув ее лучшие качества. Н.М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» не только выделил лучшие качества русского народа, но и показал его недостатки, что впоследствии переняли другие русские писатели в своих травелогах [2].

Имагология тесно связана с литературоведением, культурологией, лингвострановедением, страноведением и межкультурной коммуникацией. Ее основная задача — создать благоприятный имидж страны, народа, города, пропустить изображаемое через призму воспринимающего этот образ человека. Е.В. Папилова полагает, что в художественном произведении главную роль в создании «чужой» страны «чужого» национального менталитета играют персонажи-иностранцы как носители «чужой» культуры, и собственно, «чужого» менталитета, «чужого» национального характера [3].

Нечто похожее происходит с восприятием «чужой» страны, «иного» народа, «чужого» города. Имагология носит междисциплинарный характер, раскрывает исторические, культурологические, географические, литературно-художественные и прочие сведения об «иной» стране. Наряду с данными о «чужой» стране и ее народе, она содержит и оценку «своей» страны в соотнесении с «другими» странами и народами, поскольку оценить свой собственный народ и свою собственную страну можно только путем сравнения их с «чужими».

В зависимости от профиля имагология может иметь следующие названия: культурологическая

имагология, художественная, фольклорная, литературоведческая, имагология страны и города. Но все они имеют общую задачу — создать объективный образ воспринимаемого объекта. В то же время имагология сильно зависит от личности воспринимающего, от его субъективного взгляда, сложившихся стереотипов. В нашем представлении прочно сложилось мнение о «негативных стереотипах», которые нужно немедленно сломать. Но это не вполне справедливо, ведь стереотип — это образ, возникший под влиянием объективных факторов, поэтому он не передает всех цветов спектра, но позволяет выделить основополагающие черты.

Есть ли разница между «образом» и «имиджем»? В зарубежной науке эти понятия идентичны, поскольку «образ» в переводе на латинский, английский и французский языки и будет «имидж» (*image*). Но в нашем представлении разница есть: термин «образ» более нейтрален, а «имидж» более субъективен, наполнен авторским содержанием. Имидж — это, скорее, желаемый, а не реальный образ.

Природу имиджа рассматривает американский имаголог Р. Барнетт в работе «Культуры и видения: образы, медиа и воображаемое» [4]. Основной концептуальный посыл ее заключается в широко известной сентенции: посмотреть — значит увидеть, увидеть — значит понять, понять — значит простить. Ученый пишет, что человеческий мозг при рождении представляет собой *tabula rasa* и только постепенно, в течение жизни он наполняется образами. Это наполнение зависит от сложности увиденного, один и тот же предмет воспринимается человеком по-разному, в зависимости от взросления и совершенствования. Признавая воздействие средств массовой информации, Р. Барнетт тем не менее считает, что это воздействие ограничено. В подтверждение этого тезиса, он приводит факт, что, несмотря на мощную коммунистическую пропаганду, никакие СМИ не убедили жителей социалистических стран и самого СССР в преимуществах советского образа жизни. Но нельзя и преуменьшать их воздействие. Так, СМИ достаточно успешно «зомбировали» молодежь Украины и привили им совершенно дикие имагологические представления о недавнем и далеком прошлом своей страны.

По утверждению Р. Барнетта, объективно образа быть не может. Специфической чертой образа является то, что он порой выходит из-под контроля создателя и начинает жить собственной жизнью. Ж. Бодрийяр говорил: «Между истинным и ложным стоит обманчивый гений образа» [5]. Образ перестает быть средством коммуникации и создает свою «обманную вселенную». «Пример тому — американский Диснейленд, фантастическая страна с претензией на реальность, обманчивое воплощение “американской мечты”. <...> Дис-

нейленд — это совершенная модель симуляции. Это игра иллюзий и фантазма: пираты, фронтир, будущий мир и т. д. Всю эту систему заставляет работать воображение. Несомненно, толпы людей привлекает в Диснейленд свой социальный микрокосм, ожидание театрализованного праздника в противовес реальности... Посредством Диснейленда можно проследить объективный профиль Соединенных Штатов и даже дойти до морфологии толпы и отдельной личности. Все ценности сосредоточены здесь в миниатюрной и комически обнаженной форме, забальзамированной и умиротворенной», — писал Бодрийяр в работе «Подобие и симуляция» [6].

Давая свое понимание образа, Бодрийяр выделяет его четыре основные функции: образ отражает действительность; образ маскирует и искажает действительность; образ маскирует отсутствие действительности; образ не имеет никакого отношения к действительности, являясь чистым вымыслом.

Комментируя трактовку образа, предложенную Ж. Бодрийяром, Р. Барнетт высказывает концептуальное положение: как создающий, так и воспринимающий образ может вложить в него свое собственное представление, использовать его применительно к собственным целям [4, р. 331]. Второе концептуальное положение Бодрийяра и Барнетта заключается в утверждении, что «образ генерирует свою собственную реальность» [4, р. 332]. По утверждению американских имагологов, создавая собственную реальность, образ приобретает такую силу, что заставляет воспринимающих служить не только истинным ценностям, но и ложным богам.

Таким образом, приходим к следующим выводам: система образов формирует взгляды человека; авторское создание образа вносит в его содержание собственные цели и установки создателя; человек воспринимает мир посредством образов, причем восприятие этого мира зачастую зависит от содержания образа; имагология в силу своей универсальности превратилась в самостоятельную дисциплину. Это заметно на примере авторского видения городов мира: Париж Э. Хемингуэя в корне отличается от Парижа Г. Миллера, Москва И.С. Шмелева от Москвы М. Ямпольского, Лондон П. Акройда от Лондона Ч. Диккенса.

Диалог культур, как правило, начинается с литературной имагологии, которая «рассматривает проблему представлений и источников формирования образов стран и народов в литературах других стран» [7, с. 115]. Русский читатель до недавнего времени начинал открывать для себя мир опосредованно, через книги. И люди за рубежом тоже не имели возможности знакомиться с Россией сами, они также познавали нашу страну через литературу.

Библиотековедение

ВЫПУСКАЕТСЯ с 1952 года

«Библиотековедение» — научно-практический журнал о библиотечном и книжном деле в пространстве информационной культуры.

Подписной индекс: 87322
(по-объединенному каталогу «Пресса России»)
6 номеров в год.

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук».

119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5,
Российская государственная библиотека, Отдел периодических изданий
Тел.: +7 (495) 695-79-47 E-mail: bvpress@rsl.ru <http://bibliotekovedenie.rsl.ru>

НИГИ изменившие мир

357528, Пятигорск, Делегатская, 97
e-mail: sneg@sneg-design.ru, тел. (8793) 399-000

Еще в 1939 г., когда прямые контакты СССР и США были минимальны, журнал «Интернациональная литература» провел анкетирование по вопросам культурного сближения двух стран (в связи с участием нашей страны во Всемирной выставке в Нью-Йорке). На вопросы анкеты отвечали деятели культуры СССР и США. Вот что сказал о воображаемой Америке П. Антокольский: «Я никогда не был в Америке. Мое знание великой заокеанской демократии и бледно, и фантастично в одно и то же время. Оно питалось книжными и другими отраженными источниками» [8]. Знаменитый детский писатель и переводчик К. Чуковский отметил: «Особенно свел меня с ума “Ullalume” Эдгара По, и я повторял эту поэму тысячу раз как факир. Причем меня прельщало не столько содержание поэмы, сколько ее вкрадчивая изощренная музыка» [цит. по: 9]. О вхождении Америки в сознание русского мальчика говорит, переключаясь с В.В. Набоковым, в сознание которого Америка входит «туманным моховым болотом, столь недостижимым и таинственным» [8], И. Сельвинский: «Америка... В детстве казалось, что эта страна существует только в учебнике географии. Она была символом того, что “взаправду” не бывает» [8].

А как складывался благоприятный имидж Америки? Опять же через литературу... «Милый, родной Том... Вот человек, который импортировал Америку в Россию... Читая Твена, мы убеждались, что в Америке живут чудесные, обаятельные, близкие сердцу ребята, с которыми можно сродниться на всю жизнь», — восклицал И. Сельвинский [цит. по: 10]. О роли русских писателей в открытии России и о том влиянии, которое оказали русские писатели на формирование американского реалистического романа, неоднократно говорили Э. Хемингуэй, Р. Борн, Т. Драйзер. Английский исследователь Дж. Фелпс писал: «Английский роман не нуждается во внешних стимулах. Но его сила всегда сказывалась в его необычайной восприимчивости, в способности усвоения того, что он находил ценным в культуре других стран» [11]. Это высказывание созвучно словам Ф.М. Достоевского о всемирной отзывчивости русского народа из его речи о А.С. Пушкине [12].

Несмотря на то, что термин «имагология» стал употребляться лишь в середине 1990-х гг., в имагологическом ключе много лет работал российский литературовед и культуролог Г.Д. Гачев. Именно имагологический подход позволил ему создать «национальные образы мира», в частности Америки и России. Ученый представил наши страны как некие системы, объединяющие в единую природу характер народа, его национальные особенности и менталитет, назвав это единство Космо-Психо-Логосом [13]. Своеобразие имагологического подхода, при котором выступает специфика на-

ционального видения окружающей действительности, проявилось уже в названии первой книги Г.Д. Гачева «Американский образ мира, или Америка глазами человека, который ее не видел... и увидел» [14]. Именно национальный взгляд характерен для подавляющего числа произведений, в которых представлены образы «чужих» стран и народов. Это интеллектуальное путешествие по Америке, в основном воображаемой, выступало «как инструмент обличения нашей жизни в ситуации самого густого застоя» [14].

Российский культуролог определяет разницу между восприятием родины русским и американцем. В России во все времена, по мнению Гачева, было сильно чувство, определенное русским модусом бытия и мифологии, что «будто опричь родины» жизни нет и быть не может. Он дифференцирует мировоззрение государства и отдельной личности, противопоставляя бесконечный простор, вдохновляющий Русь как целое (Русь — тройка) — государство, община, мир — и индивида, для которого простор — «обитель Смерти». Американец же видит в безбрежных просторах своей страны источник вдохновения своей собственной индивидуальности, активности и «саморазвертывания». В отличие от русского, для которого носителем свободы, силы и русской «самости» является Самодержавие, американец видит «держателем свободы» (своей и в мире) — собственную личность.

Такое утверждение Г.Д. Гачева близко тезису М. Лернера, который в работе «Америка как цивилизация» подчеркивал, что русским свойственна наследственная склонность к бунтам и покорность властям одновременно [15]. Лернер отмечает, что русские никогда не знали «свободных институтов». Но отсутствие в России прав и свобод личности вовсе не означало, что русские к ним не стремились. Именно поэтому изначальный образ Америки, сложившийся в русском сознании, был связан с обретением свободы на американской земле, с образом идеала.

Для молодой российской имагологии, на наш взгляд, концептуальной является статья А.Ю. Большаковой «Образ Запада в русской литературе», в которой подчеркивается национальная окраска этого образа: «Скорее, мы можем говорить о “русском Западе” как о специфическом ментальном феномене, опирающемся на исторически сложившиеся, заложенные западной цивилизацией архетипы» [10]. Речь идет о литературной субъективизации Запада русскими писателями, поскольку литературный образ Запада по своим историко-географическим характеристикам не совпадает с реальным. Большакова подчеркивает огромное значение западного фактора в развитии русской литературы, которая на интертекстуальном уровне буквально пропита-

на западными рецепциями. Когда мы встречаемся с героями Л. Толстого, то даже не задумываемся, что за пьерами, китти, базилями и стивами стоят наши русские имена — петры, катерины, василии и степаны [10].

История восприятия образа Гамлета, по мнению английского имаголога Э. Роуэ, стала «буквально историей интеллигенции, ее самосознания и роли в русском обществе», недаром его работа о трактовке образа Гамлета так и называется «Гамлет. Окно в Россию» [16]. Можно говорить о целой плеяде шекспировских героев в русской классической литературе («Степной король Лир», «Гамлет Шигровского уезда» И.С. Тургенева, «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лескова) и русской поэзии XX в. (Б. Пастернак, М. Цветаева, В. Высоцкий, А. Вознесенский).

Сложность и многогранность внутренней модели развития русской литературы придает многоликий образ Запада, определяя богатство культурологических, литературно-лингвистических, исторических граней, входит в нее на правах составляющей.

Теорию диалога культур разработал выдающийся филолог и культуролог М.М. Бахтин. Согласно его теории, человек — это уникальное явление культуры, он вступает во взаимодействие с другими людьми — культурами. Диалог возникает только тогда, когда взаимодействуют, по меньшей мере, две культуры — два человека. В этом диалоге велика и роль понимания одной культуры другой, роль толерантности [17].

На основе диалога культур развивается теория познания «другого». Познание «чужого — другого — иного» ведет к самопознанию, национальной самобытности и одновременно к чувству уважения к другим народам и их культурам. Культура только тогда готова к взаимодействию, когда она поднимается до уровня понимания другой культуры. Теорию диалога культур продолжил развивать и совершенствовать В.С. Библер. Он пришел к осознанию, что человек образованный — это, прежде всего, человек культуры. Только с таким человеком можно вступать в диалог, преодолевая «загадочность» каждой культуры, которая заключается в индивидуальной личности [18].

Таким образом, имагология — перспективное направление гуманитарной науки, которое требует исследований. Как и диалог культур, имагология должна внести свой вклад в создание благоприятного образа «других» стран, в развитие добросо-

седских отношений. Но она может создавать и негативный имидж «чужих» стран и народов, и об этом следует помнить.

Список источников

1. Ощепкова А.Р. Имагология [Электронный ресурс] // Знания. Понимания. Умения. 2010. № 1. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2010/1/Oshchepkov_Imagology/ (дата обращения: 20.09.2015).
2. Кубанев Н.А., Набилкина Л.Н. Имагология и межкультурная коммуникация // Рождение культурологии в России : сб. науч. трудов. Москва : Директ-Медиа, 2014. С. 265–268.
3. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского гуманитарного университета. Филологические науки. 2011. № 4. С. 31–40.
4. Barnett R. Cultures and Visions: Images, Media and Imaginary. New York : American Univ. Press, 1995. 355 p.
5. Baudrillard J. Beyond Right and Wrong or Mischevious Genius of Image. Los Angeles : Resolution, 1986. 607 p.
6. Baudrillard J. Simulacra and Simulations // J. Baudrillard. Selected Writings. Stanford : Stanford Univ. Press, 1988. P. 171.
7. Козлова А.А. Имагологический метод в исследованиях литературы и культуры // Обсерватория культуры. 2015. № 3. С. 114–118.
8. Интернациональная литература. 1941. № 9–10. С. 237–239.
9. Набоков В.В. Другие берега : романы. Москва : Худож. лит., 1988. С. 404.
10. Большакова А.Ю. Образ Запада в русской литературе // Филологические науки. 1998. № 1. С. 3–13.
11. Phelps G. The Russian Novel in English Fiction. London : Bodley Head, 1956. P. 193.
12. Достоевский Ф.М. Пушкинская речь // Ф.М. Достоевский. Полн. собр. соч. : в 30 т. Ленинград : Наука, 1984. Т. 26. С. 129–149.
13. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психологос. Москва : Прогресс, 1995. 480 с.
14. Гачев Г.Д. Национальные образы мира : Америка в сравнении с Россией и славянством. Москва : Паритет, 1997. С. 4.
15. Lerner M. America as a Civilization. New York, 1987. 289 p.
16. Rowe E. Hamlet : A Window of Russia. New York, 1976. P. 8.
17. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1979. С. 361–373 ; 409–412.
18. Библер В.С. Мышление как творчество. Москва : Политиздат, 1975. 399 с.

K.V. KAPUSTYANSKAYA,
N.A. KUBANYOV, L.N. NABILKINA

IMAGOLGY AND THE DIALOGUE OF CULTURES

This article is dedicated to the formation of imagology as a science whose aim will be the creation of objective images. The authors characterize the term of “image” and define its different meanings. In the article, the concept of the dialogue of cultures is examined through the literary imagology.

Key words: imagology, dialogue of cultures, image, intercultural communication, travelogue.

Citation: Kapustyanskaya K.V., Kubanyov N.A., Nabilkina L.N. Imagology and the Dialogue of Cultures, *Observatory of Culture*, 2016, vol. 1, no. 1, pp. 31–35.

About authors

Kseniya Viktorovna Kapustyanskaya,

Ivanovo State University (Shuya Branch),
Postgraduate Student,
Teacher of English of the Municipal Budgetary Educational Institution School №5
e-mail: kapustianskaja2015@yandex.ru
Alexandrovich street, 16A, Sarov, 607188, Russia

Nikolay Alekseyevich Kubanyov,

N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (Arzamas Branch)
Professor, Doctor of Cultural Studies
e-mail: nik-kubanev@yandex.ru
Karl Marx Street, 36, Arzamas, 607220, Russia

Larisa Nikolaevna Nabilkina,

N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (Arzamas Branch)
Docent, Doctor of Cultural Studies
e-mail: nabilkina@yandex.ru
Karl Marx Street, 36, Arzamas, 607220, Russia

References

1. Oshchepkova A.R. Imagology, *Knowledge. Awareness. Skills*, 2010, no. 1. Available at: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2010/1/Oshchepkov_Imagology/ (accessed 20.09.2015).
2. Kubanyov N.A. Nabilkina L.N. Imagology and Intercultural Communication, *Rozhdenie kul'turologii v Rossii* [The birth of Cultural Studies in Russia: Sci. Works Coll.]. Moscow: Direct Media, 2014, pp. 265–268.
3. Papilova E.V. Imagology as the humanities, [*Bulletin of Moscow University for the Humanities. Philology*], 2011, no. 4., pp. 31–40.
4. Barnett R. *Cultures and Visions: Images, Media and Imaginary*. New York, American Univ. Press, 1995, 355 p.
5. Baudrillard J. *Beyond Right and Wrong or Mischevious Genius of Image*. Los Angeles, Resolution, 1986, 607 p.
6. Baudrillard J. *Simulacra and Simulations J. Baudrillard. Selected Writings*. Stanford, Stanford Univ. Press, 1988, p. 171.
7. Kozlova A.A. Imagological Method in Literary and Cultural Research, *Observatory of Culture*, 2015, no. 3, pp. 114–118. (in Russ.)
8. *Internatsional'naya literatura* [International Literature], 1941, no. 9–10, pp. 237–239.
9. Nabokov V.V. [*Other Shores: novels*]. Moscow artist. Lighted., 1988, 404 pp. (in Russ.)
10. Bolshakova A.Y. The image of the West in Russian literature, *Filologicheskie nauki* [Philology], 1998, no. 1, pp. 3–13. (in Russ.)
11. Phelps G. *The Russian Novel in English Fiction*. London, Bodley Head, 1956, p. 193.
12. Dostoevsky F.M. Pushkin speech, [*Dostoevsky F.M. Complete Works in 30 vol.*]. Leningrad: Nauka Publ., 1984, vol. 26, pp 129–149. (in Russ.)
13. Gachev G.D. [*National images of the world. Cosmo-psychology*], Moscow, Progres, 1995, 480 p. (in Russ.)
14. Gachev G.D. [*National images of the world: America versus Russia and Slavs*]. Moscow: Rarity, 1997, p. 4. (in Russ.)
15. Lerner M. *America as a Civilization*, New York, 1987, 289 p.
16. Rowe E. *Hamlet: A Window of Russia*. New York, 1976, p. 8.
17. Bakhtin M.M. [*Aesthetics of verbal creativity*]. Moscow: Art, 1979, pp. 361–373 ; 409–412 (in Russ.)
18. Bibler V.S. [*Thinking as creativity*]. Moscow, Politizdat, 1975, 399 p. (in Russ.)